

«ВОЗДВИЖЕНИЕ» КОРОЛЯ МИХАЛА, ИЛИ РАРИТЕТ ИЗ НУДЫЖЕ

Евтушенко С.В., доктор философских наук,
канд. искусствоведения, проф.

Международный Славянский университет, г. Харьков

Аннотация. Представлена концепция атрибуции уникального «Воздвижения» из собрания Национального художественного музея Украины, происходящего из села Нудыже на Волини и спецификой художественного решения сближающегося с традициями примитива.

Ключевые слова: “Воздвижение”, примитив, иконография, атрибуция.

Анотація. Євтушенко С.В. “Воздвиження” короля Михала, або Раритет з Нудыже. Представлено концепцію атрибуції унікального “Воздвиження” із збірки Національного художнього музею України, яке походить із села Нудыже на Волині та специфікою художнього рішення зближається з традиціями примітива.

Ключові слова: “Воздвиження”, примітив, іконографія, атрибуція.

Annotation. Yevtushenko S.V. King Michal's “Exaltation”, or Rarity from Nudyzhe. The attribution's concept of unique «Exaltation» from collection of National Art Museum of Ukraine is submitted. This icon comes from village of Nudyzhe (Volyn region). And this icon because of its art decision's specificity approaches with primitive's traditions.

Keywords: “Exaltation”, primitive, iconography, attribution.

Постановка проблемы. В отличие от ряда исследователей мы не сомневаемся в широких возможностях корректно осуществляемого атрибуционного поиска, особенно опирающегося на предварительно моделируемый инвариант действительно органичной интерпретации,

всегда инспирируемой «корневой» («родовой») спецификой памятника, которая вполне «вещественна», что, в частности, убедительно демонстрируют образчики художественного примитива.

Анализ последних исследований и публикаций. Нам не известны публикации, обращенные к проблематике атрибуции крайне любопытного произведения староукраинской иконописи – «Воздвижения Честного Креста», принадлежащего ныне собранию Национального художественного музея Украины в Киеве, а прежде обретавшегося в церкви села Нудыже (укр. *Нудижче*) на Волыни¹. Однако в недавно изданном уникальном по богатству и добротности иллюстративного материала каталоге «Український іконопис XII–XIX ст. з колекції НХМУ» (Хм.; К., 2005) *нудыженский* раритет представлен как произведение конца XVII столетия, что может квалифицироваться в качестве первичной, исходной базы для последующих атрибуционных изысканий [8, с. 73 (кат. 32)].

Цели публикации – представление и рассмотрение атрибуционной аргументации, провоцируемой анализом иконографии *нудыженского* «Воздвижения». Уточним: здесь излагается принципиальная концепция атрибуции раритета, одновременно – в силу избранной формы изложения – выглядящая как представление итоговых результатов разысканий. В готовящейся очередной публикации данная аргументация будет детализирована, следствием чего явится ретроспектива не столько искусствоведческой, сколько «чисто»-исторической проблематики. Впрочем, атрибуция вообще – процесс синтеза весьма разнообразной информации, без исторического фона практически не мыслимый.

Результаты исследования. В проблематике и контексте атрибуционных исследований, сопряженных с прояснением большей частью необратимо загадочных провенанса, обстоятельства бытования и т.п. раритетов из числа принадлежащих плодотворному направлению позднекультовой – раннесветской украинской живописи, которое родственно духу и специфике художественного примитива, пример поиска, о котором пойдет речь, – особый. По той ободряющей причине, что его непосредственные выводы, на наш взгляд, вряд ли способны спровоцировать принципиальные возражения и споры. Во всяком случае, для опровержений и несогласия эти результаты поставляют, как думается, существенно меньше оснований, нежели атрибуционные следствия попыток обрести истину знания применительно к подавляющему большинству иных не менее уникальных композиций, отмеченных стилистической близостью *нудыженской*. Усматривать в итогах некий методологический инвариант или аналитический алгоритм, эффективный

¹ «...Із с. Нудижче Володимир-Волинського повіту Волинської губернії (тепер Любомльського району Волинської області)» [8, с. 73 (кат. 32)].

в практике атрибуционного изучения и иных упоминавшихся «загадочных» уник, побуждает то, что позитивные выводы по *нудыженской* композиции достигнуты исходя из посыла, преемственно декларировавшегося в наших публикациях в качестве краеугольного для общей стратегии атрибуционных штудий заявленной группы памятников (родственных, помимо указанного, еще и своего рода «цитатным» использованием особо популярных иконографических изводов традиционной иконописи – «Покрова», «Воздвижения», «Успения»...). Этот базовый посыл интерпретации выглядит так: в ролях персонажей иконографически более чем апробированных канонических иконописных сюжетов в XVII–XVIII вв. выступают, *как правило, вполне реальные исторические* лица. Можно сказать иначе: на затверженном (почти «вековечном») иконографическом материале всегда неизбежны отблески живой событийности эпохи, породившей прибегающий к нему артефакт. (Думается, в определенной системе отсчета это утверждение... вообще аксиоматично.) От иных исследовательских позиций декларированная отличается де-факто откровенным (и по нашему убеждению совершенно естественным, оправданным и рационально обоснованным) «доверием» *истории (реальному бытию)*, прямым признанием ее прав на художественное соавторство (впрочем, при полном признании прав на «соавторство» и за хрестоматийно утвердившимися стандартами сюжетной фабулы – «покровским», «воздвиженским», «успенским» и т.п.).

В композиции раритета из Нудыже традиционные для любого «Воздвижения» образы «царей и равноапостолов Константина и Елены» предстают явно полонизированными. И в целом, несколько «назойливая» довершенность подчеркнута графического решения этой достаточно монументальной композиции (117 см x 74 см) побуждает говорить о намеренной архаизации, едва ли не «готицизации» традиционного для Восточной Европы иконописного извода [8, с. 73 (кат. 32)]. «Западный» дух, польские мотивы неизбежно порождают подозрения, что заказчиков *нудыженского* раритета следует искать соответственно среди значительно полонизированного малороссийского шляхетства. При этом априори очевидно, что на сей раз речь может идти о подлинно аристократических заказчиках (гораздо чаще в однотипных художественных новациях приходилось «подозревать» скоропалительно возвысившуюся малороссийскую старшину). Сопоставление возрастных данных *нудыженских* «Елены» и «Константина», которые действительно выглядят как почтительный сын и благочестивая мать (тогда как в знаменитом *сытыховском* «Воздвижении» ни о каких подобных расхождении «в годах» говорить не приходится: Елена и Константин уники из *Сытыхова* кажутся практически ровесниками), вполне обоснованно провоцируют воспоминания о реальных персонажах действительной истории XVII века,

состоявших в таких же родственных отношениях и сыгравших сопоставимые роли в непридуманной интриге давно минувших лет. Подразумеваем единственного «украинского» (но именно в кавычках) короля Речи Посполитой – князя Михаила Вишневецкого (он же Михал Томаш) и его матушки Гризельды Вишневецкой, урожденной Замоиской. Михал Томаш приходился сыном весьма известному в польской истории Иеремии Вишневецкому, подлинно беззаветно служившему Речи Посполитой и в этом настолько преуспевшему, что по прошествии восемнадцати лет после его кончины польский трон достался его единственному наследнику именно в память отцовских заслуг. Кстати, и по материнской линии у короля Михала были выдающиеся предки. В частности его дед великий коронный канцлер Томаш (Фома) Замоиский [12, т. 4, с. 666, 672].

Согласно польскому энциклопедическому источнику начала XX столетия, официальная коронация короля Михаила состоялась 29 сентября² [13, с. 137]. А это весьма укрепляет догадку о том, что *нудыженский* «Покров» посвящался именно воцарению одного из Вишневецких, ибо также в *сентябре* празднуется и Воздвижение Честного Креста. Православные (а фамильная история князей Вишневецких, последний из коих – князь Михаил Серваций – родившись в 1680-м, скончался в 1744 году, остается в целом неразрывно связанной именно с православием, хотя отец короля Михала Иеремия Вишневецкий, как известно, добровольно перешел в католичество и даже сделался вскоре, по словам крайне авторитетного П.А. Белецкого, «жестоким гонителем православия, разорителем храмов, мучителем священников») – православные, повторим, «свое» Воздвижение празднуют 14 сентября [9, с. 192 (кат. 180); 11, с. 272; 5, с. 107; 3, с. 22; 10, кн. 2, с. 64]. Впрочем, одним днем праздник не обходится – по подобию ряда иных важнейших праздничных дат церковного календаря, каждая из коих имеет так называемое *попразднство* – «дни, составляющие [ее] продолжение», причем число таковых «простирается от 1 до 8, смотря по большей или меньшей близости одних праздников к другим или к дням поста» [6, т. 2, стб. 1853].

² Необходимо подчеркнуть, что статья о польском короле Михаиле Корибуте Вишневецком в подразумеваемом польском энциклопедическом издании содержит то ли опечатку, то ли досадную ошибку, ибо здесь указано, что королем Михаил был избран в 1668 году, меж тем как избрание состоялось, согласно многочисленным источникам, в 1669-м... [13, с. 137; 2, с. 542; 7, т. 12, с. 61; 4, с. 210]. Начало элекционному процессу было положено добровольным отречением от престола короля Яна Казимира (имевшим место, если следовать С. М. Соловьеву, «в августе» 1668-го, либо – как пишет более поздний автор украинский историк Дм. Дорошенко – непосредственно *16 сентября 1668 года* [7, т. 12, с. 61; 4, с. 210]); драма избрания завершилась, в свою очередь, элекционным сеймом, который открылся 2 мая 1669-го и продолжался по 4 июля того же года.

Выводы. Образный ряд, выстраиваемый неизвестным инвентором *нудыженского* «Воздвижения» допускает прямые параллели с эксклюзивным событием в истории Речи Посполитой – избранием в польские короли выходца из древнего «русского» княжеского рода (известного своим родством также и с рядом знатнейших «московских» фамилий), отражает инспирированные этой нерядовой «сенсацией» клановые амбиции Вишневецких и – в определенной степени – выстраданные чаяния широких масс православных Речи Посполитой³.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в установлении пределов инвариантности (тиражированности) той вполне конкретной образной схемы, в согласии с которой неизвестный инвентор *нудыженского* «Воздвижения» осовременивает и «историоризует»⁴ достаточно древнее (здесь условно именуемое нами *константино-еленовским*, но с теми же основаниями претендующее и на «звание» *елено-константиновского*) сюжетно-иконографическое клише (в котором резонно также усматривать сюжетный архетип и попросту символ, коими столь увлекались создатели и ценители барочного искусства⁵), в иконописной практике ее классического периода неоднократно апробировавшееся. На наш взгляд, композиция из Нудыже в первую очередь интересна именно тем, что выступает колоритной иллюстрацией чрезвычайно решительного вторжения сиюминутно-исторического –

³ К слову, глухоты и безразличия к нуждам православных Речи Посполитой новоизбранный монарх действительно не демонстрировал. Так, уже 3 октября 1669 года (буквально по прошествии трех дней после коронации) Михаил Вишневецкий подписал грамоту, подтверждавшую передачу Львовского епископства Иосифу Шумлянскому; другое дело, что за Шумлянского ратовала не самая «православная» часть официально православных прихожан; однако к чести новоиспеченного короля следует отметить, что своей же грамотой от 20 сентября 1670-го он «переутвердил» спорную «диоцезию» уже за Иеремией Свистельницким (несомненно, более ортодоксальным православным соискателем кафедры), вторично удостоверив приоритет Свистельницкого и грамотой от 6 апреля 1671 г. [1, отд. 2, с. 923]. Сверх того, согласно состоявшемуся 1 августа 1671 года «королевскому приговору по делу между епископами Львовскими: Иеремией Свистельницким и Иосифом Шумлянским», на второго, как «незаконно избранного», королевской властью была возложена обязанность уплатить сопернику 150 тысяч злотых [1, отд. 2, с. 923]. Это ли не оправдание – пусть и паллиативное – упований, связывавшихся гонимыми православными подданными короны польской с «русским» по происхождению венценосцем?..

⁴ Иными словами, «привязывает» к живой истории вполне определенной эпохи; наделяет ее (реальной эпохи) проблематикой, акцентируя при этом актуальные («судьбоносные») приоритеты последней.

⁵ Упоминание о барокко не означает, однако, что мы находим его стилистические приметы непосредственно в *нудыженской* уникале, скорее, как уже отмечалось, стилизующейся под суровую («крестоносную») готику.

самой житейской реальности – в перипетии отвлеченных (по воле многих столетий их художественной «эксплуатации»), но, по сути, все времена удовлетворяющих сюжетных мизансцен.

Литература:

1. Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском... Ч. I, т. X. – К., 1904.
2. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. – Київ, 1993.
3. Белецкий П. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. – Л., 1981.
4. Дорошенко Дм. Гетьман Петро Дорошенко: Огляд його життя і політичної діяльності / Ред. В. Омельченко. – Нью-Йорк, 1985.
5. Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 1. – СПб., 1895.
6. Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 2. – СПб., Б. г.
7. Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. 12. – М., 1862.
8. Український іконопис XII–XIX ст. з колекції НХМУ. – Хм.; К., 2005.
9. Український портрет XVI–XVIII століть. – 2-е вид. – Хм.; К., 2006.
10. Хавский П. Месяцословы, календари и святцы. – 2-е изд. – М., 1856.
11. Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. Ч. 2. – СПб., 1884.
12. Korona Polska przy złotey wolności Starożytnemi Ricerstwa Polskiego y Wielkiego Xięstwa Litewskiego... №. III. – Lwow, 1740; №. IV. – Lwow, 1743.
13. Orgelbrand S. Encyclopedja Powszechna. Т. X. – Warszawa, 1901.